

## Китай в «тихоокеанском повороте» США

© 2019

*А.В. Волошина*

В 2011 г. администрация президента США Б. Обамы официально выдвинула геополитическую инициативу, вошедшую в историю под названием «поворот», или «перебалансировка». Важнейшим элементом этой стратегии, призванной гарантировать сохранение доминирующего положения Америки в АТР, стало выстраивание конструктивных отношений с Китаем. В статье предпринята попытка раскрыть, каким образом происходила выработка и реализация китайского направления «поворота». В ходе анализа делается вывод об изменениях, которые претерпел «поворот» со сменой американских администраций, а также ставится вопрос об эффективности данной стратегии с точки зрения реализации поставленных США целей.

*Ключевые слова:* США, Китай, «поворот», АТР, Индо-Тихоокеанский регион, администрация Б. Обамы, Д. Трамп.

**DOI:** 10.31857/S013128120004637-1

Сложно переоценить значение Азиатско-Тихоокеанского региона для складывающейся в XXI веке картины мира. Здесь концентрируются интересы и происходит наиболее активное взаимодействие Соединённых Штатов Америки, стремящихся удерживать лидерские позиции в международной системе, и Китайской Народной Республики, утверждающейся в качестве одной из ведущих держав мира с расширенной сферой интересов и ответственности. Будущая конфигурация международной системы и положение в ней США будут во многом зависеть от того, насколько эффективно будет выстроено их взаимодействие с Китаем и остальными странами этого региона.

Наиболее значимым внешнеполитическим действием Соединённых Штатов по отношению к АТР за последнее десятилетие стал так называемый поворот (pivot), или перебалансировка (rebalance). Получившая свое официальное оформление к 2011 г., эта геополитическая инициатива должна была гарантировать продолжающееся присутствие США в АТР в качестве «тихоокеанской державы», укрепить их позиции мирового лидерства, которые, казалось, были подорваны после финансового кризиса 2008 г. и неудач в Ираке и Афганистане.

Команда, собранная новоизбранным на тот момент президентом Бараком Обамой в 2009 г. для работы на азиатском направлении, включала влиятельных и опытных специалистов, занимавшихся китайской проблематикой. Среди них стоит выделить Джеффри Бейдера<sup>1</sup>, крупного эксперта по Китаю со значительным опытом правительственной работы в Госдепартаменте и Белом доме, занявшего должность ведущего советника по делам азиатского региона в Совете национальной безопасности США (СНБ США), и его заместителя по делам Китая, Тайваня и Монголии в СНБ США Эвана Медейроса<sup>2</sup>, авторитетного ученого, занимавшегося в аналитическом центре RAND (RAND

Corporation) исследованием китайской политики в сфере безопасности. В Госдепартаменте одним из ключевых архитекторов политики «поворота» стал вступивший на пост помощника государственного секретаря США по делам Восточной Азии и Тихоокеанского региона Курт Кэмпбелл<sup>3</sup>. За его плечами был более чем десятилетний опыт работы по вопросам безопасности в азиатском регионе, в частности, в качестве заместителя помощника министра обороны в администрации Клинтона.

Команда нового президента разделяла убеждение, что чрезмерный фокус внешней политики США на проблеме терроризма, ситуации в Ираке и Афганистане в предшествующие годы привел к тому, что Азиатско-Тихоокеанскому региону не уделялось соизмеримое с его истинной значимостью политическое внимание. Администрация Дж. Буша-мл. подвергалась критике за то, что Китай якобы извлек выгоду из стратегического пренебрежения Америки этим регионом. Так, еще в конце 2005 г. К. Кэмпбелл заявлял, что «военные кампании на Ближнем Востоке... отвлекают Соединённые Штаты от стремительно меняющегося стратегического ландшафта Азии именно в то время, когда Китай делает огромный рывок в военной модернизации, торговле, расширении дипломатического влияния и применении мягкой силы. Редко когда в истории восходящая держава добивалась таких заметных успехов в международной системе в значительной степени в результате действий и невнимательности доминирующей державы. Действительно, Вашингтон по большей части был не в курсе достижений Китая за последние несколько лет, многие из которых произошли за счет Соединённых Штатов»<sup>4</sup>.

Было бы неверно при этом трактовать выдвижение стратегии «поворота» лишь в качестве продукта конъюнктурных предпочтений демократической администрации Б. Обамы. Объявленную инициативу следует рассматривать в широкой исторической перспективе. С момента рождения Америки как тихоокеанской державы<sup>5</sup> перманентной задачей, или «константой», ее стратегии, выполнение которой позволяло эффективно защищать свои территориальные владения, продвигать политические и коммерческие интересы, распространять идеи демократии, являлось недопущение становления в Азии регионального гегемона.

Происходящие сегодня изменения в мировом балансе сил, стремление Пекина утвердиться в качестве ведущего азиатского игрока и предложить странам АТР свою модель региональной архитектуры стали вызовом для азиатской политики США. В частности, сигналом для принятия Вашингтоном определенных шагов стали обострение отношений КНР со странами-соседями в 2009–2010 гг., более жесткая позиция Пекина по вопросам поставок оружия Тайваню, проведения США военных учений с союзниками и американских операций по наблюдению и разведке в западной части Тихого океана. Новая стратегия была призвана дать ответ на эти вызовы и покончить с затянувшимся со времен Дж. Буша-мл. и наносившим урон интересам Америки периодом невнимания к региону.

Вопрос, в каком ключе следует выстраивать отношения с Китаем, стал важнейшим для архитекторов «поворота». Традиционно американская политическая мысль развивается в русле двух подходов к КНР: жесткого (Dragon Slayers — те, кто готов «убить дракона») и мягкого (представителями которого являются так называемые Panda Hugers — те, кто готов «обниматься с пандой»). Сторонники первого подхода — Аарон Фридберг (Принстонский университет), Джон Миршаймер (Чикагский университет), Ай-ан Истон (Институт «Проект 2049»), Сет Кропси (Гудзонский институт) и др. — рассматривают американо-китайские отношения с точки зрения реалистской теории международных отношений. Взаимодействие двух держав описывается в терминах игры с нулевой суммой, что предопределяет его конфликтность. Согласно этому подходу, по мере своего подъема Китай будет стремиться к гегемонии в Азии и прилагать усилия для изменения правил международной системы в свою пользу, систематически оспаривая превосходство США и тем самым подрывая безопасность Америки. В этой гонке за превосходством столкновение США и КНР практически неизбежно<sup>6</sup>. Поэтому, как считают экс-

перты, США должны действовать на опережение. Ставится цель сохранить стратегическое доминирование, балансируя Китай с позиции силы, опираясь на региональные державы в его сдерживании, поддерживая независимые центры силы вдоль его границ. Выдвигая аргумент о том, что противоречия между двумя державами невозможно окончательно преодолеть до тех пор, пока в КНР сохраняется авторитарный режим, желаемой конечной целью эксперты называют установление в Китае либеральной демократии<sup>7</sup>.

Сторонники второго подхода — Джеффри Бейдер (Институт Брукинса), Лайл Гольдштейн (Военно-морской колледж), адмирал Уильям Оуэнс и др. — подчеркивают, что одним из основных факторов сохранения мира в Северо-Восточной Азии с 1970-х годов являлось достигнутое в ходе визита президента США Р. Никсона в Китай стратегическое примирение Соединённых Штатов и КНР, а проводившаяся на его основе политика активного вовлечения Китая диктовалась национальными интересами США<sup>8</sup>. Отношения сотрудничества между США и Китаем важны для глобальной стабильности и мира и необходимы для решения проблем ядерного нераспространения, охраны окружающей среды, энергетической безопасности, изменений климата и ряда других. США должны развивать активное взаимодействие с Китаем, предпринять шаги по деэскалации напряженности и дальнейшему расширению сотрудничества.

В «повороте» совместились элементы обоих этих подходов: по замыслу стратегов, укрепление азиатских альянсов и партнерств США и наращивание американского присутствия в регионе следовало сочетать с выстраиванием крепких и стабильных отношений с Китаем и широким двусторонним сотрудничеством по решению транснациональных вызовов. Предполагалось, что такой многоаспектный подход создавал стимулы для поддержания Пекином существующего регионального порядка и одновременно обозначал цену за его подрыв. Так, планировалось реализовать идею «формирования среды», или контуров, для развития Китая: следуя по предложенному ему пути, Пекин со временем интегрировался бы в выстраиваемый Америкой региональный порядок<sup>9</sup>. Желательным итогом этого процесса для США было предоставление Китаю «почетной роли важного союзника», разделяющего американские ценности, признающего в целом интересы и лидерство Соединённых Штатов.

На практике ориентация на углубление взаимодействия с Пекином в период президентства Б. Обамы нашла свое отражение в регулярных встречах на самом высоком уровне, координации позиций сторон по ряду международных и региональных вопросов, включая работу по проблемам изменения климата, ядерной безопасности, денуклеаризации Корейского полуострова и т.д. Около 90 механизмов диалога и обмена, включая «Китайско-американский стратегический и экономический диалог», стали площадками для двустороннего взаимодействия. Стороны стремились наладить контакты в военной сфере: важную роль здесь играл механизм стратегического диалога «США — Китай» в сфере безопасности, касающийся вопросов взаимодействия вооруженных сил двух стран, обеспечения безопасности на море, в небе, кибербезопасности и т.п. Военные обмены велись на разных уровнях, включая визиты высших военных чиновников, проведение консультаций по вопросам морской безопасности, обороны и рабочих встреч министров обороны КНР и США. Большое внимание уделялось мерам для построения взаимодоверия: в 2014 и 2016 г. Китай принял участие в трехсторонних военных учениях с США и Австралией, а также в организованных ВМС США военно-морских маневрах RIMPAC; в 2015 г. впервые участвовал совместно с США в учениях Cobra Gold. Кроме того, проводились учения двух стран по ликвидации последствий стихийных бедствий и оказанию гуманитарной помощи. Расширялись обмены между законодательными органами, академическими институтами, молодежью.

Превентивное сдерживание Китая проявилось в энергичной модернизации Вашингтоном своих азиатских альянсов и партнерств, призванных гарантировать сохранение статус-кво в регионе, в продолжении наращивания военного и экономического при-

существования Соединённых Штатов в АТР, в частых разведывательных действиях американских военно-морских и военно-воздушных судов в водах и воздушном пространстве ИЭЗ Китая. основополагающие документы США в сфере безопасности, такие как «Стратегия национальной безопасности США» (2010), «Четырёхлетний обзор оборонной стратегии» за 2010 г., «Стратегическое руководство в области обороны» для Пентагона под названием «Поддержание глобального превосходства: Приоритеты для обороны XXI века», а также «Стратегия национальной безопасности США» (2015) отражали стратегическое беспокойство Соединённых Штатов об усилении военного потенциала Китая и изменении баланса сил в Восточной Азии, ставящих под угрозу американские преимущества в регионе и требующих от США соответствующего ответа. Соединённым Штатам предписывалось принять новый подход к организации вооружённых сил для борьбы с противником, использующим «системы ограничения доступа»<sup>10</sup>. При этом среди государств, активно их развивающих и представляющих потенциальную угрозу для США, указывался Китай<sup>11</sup>. Америка приступила к модернизации своих азиатских альянсов и партнёрств, призванных гарантировать сохранение статус-кво в регионе. США были достигнуты договорённости по углублению отношений и активизации военного сотрудничества с Японией, Южной Кореей, Австралией, Филиппинами, расширены партнёрства с Новой Зеландией, Индонезией, Сингапуром, Вьетнамом, Малайзией, Индией. Кроме того, в соответствии с «Законом об отношениях с Тайванем» (1979) Америка продолжила оказывать ему свою поддержку и осуществляла продажи оружия в 2010, 2011 и 2015 г. Качественно новой чертой американской стратегии стал отход от двустороннего взаимодействия с союзниками и партнёрами к «сетевому» формату, подразумевающему расширение координации между ними с помощью новых двусторонних и многосторонних договоров и соглашений. Предполагалось, что это позволит союзникам действовать быстро и эффективно, в одиночку и совместно, с участием и без участия Соединённых Штатов. В сфере экономики США активно продвигали Транстихоокеанское партнёрство, реализация которого позволила бы выстроить экономический порядок в АТР по предлагаемым Америкой принципам: договор о его создании был подписан в феврале 2016 г. двенадцатью странами, на которые в совокупности приходилось 40% мировой экономики<sup>12</sup>. В рамках институциональной сферы США укрепили связи с АСЕАН, присоединились к «СМОА плюс» (2010 г.), стали полноправным членом Восточноазиатского саммита (2010 г.)

В глазах Пекина основной целью американской стратегии стало сдерживание Китая для обеспечения экономического, политического лидерства и военного превосходства США в регионе. Китайская сторона подчеркивала, что разворачивание «поворота» в условиях существования в Восточной Азии эксклюзивной (а не инклюзивной) системы безопасности, возглавляемой США, дестабилизирует региональную обстановку, ведет к углублению «разделительных линий» между странами и усилению чувства взаимного недоверия и подозрительности<sup>13</sup>. Для стабилизации отношений с США в 2012 г. китайское руководство выдвинуло идею построения межгосударственных отношений нового типа. Предполагалось, что двусторонние отношения приобретут более сбалансированный характер за счет признания Америкой факта усиления позиций Китая и принятия его готовности играть новую роль в качестве равной великой державы как на региональном, так и на мировом уровне. Однако, как показало время, большого успеха китайская идея не имела.

Шаги второй администрации Б. Обамы — курс на укрепление военно-политических союзов, поддержка Японии в новой трактовке права на коллективную самооборону, усилия по размещению системы ПРО на Корейском полуострове, а также действия, ставившие под вопрос декларируемую позицию невмешательства в территориальные споры<sup>14</sup>, и т.д. — продемонстрировали рост конкурентной составляющей в отношениях США и Китая. В «Стратегии национальной безопасности США» (2015) вместе с признанием того, что двустороннее взаимодействие достигло беспрецедентного уровня, большое внимание уделялось риску возникновения конфликтов между США и КНР,

подчеркивалось наличие соперничества с Китаем в новых сферах, в частности в кибербезопасности.

Таким образом, реализация «поворота» столкнулась с ощутимыми трудностями. Найти баланс между реализацией двух компонентов в «формировании контуров» для развития Китая оказалось крайне сложно. Активность Америки в Восточной Азии, касающаяся отношений с союзниками и Тайванем, подрывала потенциал стратегического взаимодействия с КНР. Эксперты американского исследовательского института «Проект 2049» уже в докладе 2011 г. отмечали проблему существования внутреннего противоречия между элементами «вовлечения» и «сдерживания» в азиатской стратегии США<sup>15</sup>. Коллектив российских исследователей из ИМЭМО РАН заключил, что «повороту» ни во время первой, ни во время второй администрации Б. Обамы не удалось найти баланс между двумя базовыми подходами к Китаю, откуда и проистекает стратегическая разнонаправленность развития китайско-американских отношений и оценок действий друг друга<sup>16</sup>.

Более того, американский курс не принимал во внимание, что у Китая может не быть оснований идти в заданном для него русле развития. В частности, это было продемонстрировано отказом КНР признать результаты арбитража по вопросу Южно-Китайского моря в 2016 г. Пекин стремится формировать среду вокруг себя самостоятельно, а у многих государств в регионе нет желания ухудшать отношения с Китаем, объединяясь «против» него.

Победа на американских президентских выборах в ноябре 2016 г. кандидата от республиканской партии Д. Трампа, вопреки первоначальным опасениям, не стала завершением «поворота», однако ознаменовала его качественную трансформацию. Реализуя китайское направление стратегии, администрация Д. Трампа все больше отходит от идеи формирования Америкой контуров для развития Китая с целью его интеграции в свой миропорядок и последующей либерализации в сторону его более жесткого балансирования. Команда президента, участвующая в выработке курса по отношению к Китаю, в значительной степени сформирована кадрами, позиции которых варьируются от умеренной критики Пекина до призывов к открытому противостоянию с ним. Среди персоналий президентской администрации следует отметить советника по национальной безопасности Джона Болтона, знаменитого политического ястреба, заявлявшего о необходимости воспрепятствовать «казалось бы, неумолимому маршу Китая к гегемонии в Восточной Азии», при необходимости разыграв столь значимую для Пекина «тайваньскую карту» и поставив под вопрос политику «одного Китая» через повышение уровня отношений США с островом вплоть до его дипломатического признания<sup>17</sup>. Должность ведущего советника по делам азиатского региона в СНБ США занимает Мэтт Поттингер, бывший военнотрудовой американской морской пехоты, имеющий опыт работы в качестве журналиста Wall Street Journal и Reuters в Китае. Знаковым стало его выступление на праздновании 69-летней годовщины образования КНР 27 сентября 2018 г. «Соперничество — суть отношений между США и КНР», — заявил чиновник. «Мы в администрации Трампа обновили нашу китайскую политику с тем, чтобы вывести принцип соперничества на передний план»<sup>18</sup>. Пост государственного секретаря США от отправленного в отставку Рекса Тиллерсона принял известный своими жесткими взглядами Майк Помпео, бывший директор ЦРУ, конгрессмен-республиканец, заслуживший в отличие от своего предшественника расположение Д. Трампа благодаря солидарности с внешнеполитическим курсом главы государства. В структуре Пентагона следует отметить помощника министра обороны США по делам Восточной Азии и Тихоокеанского региона Рэндалла Шрайвера. Имеющий за плечами опыт работы в Госдепартаменте и являющийся авторитетной фигурой в академических кругах (в прошлом он был главой исследовательского института «Проект 2049»), Шрайвер известен своей жесткой позицией по отношению к Китаю, призывами к балансированию Пекина и установлению более тесных отношений США с Тайванем. Яркие фигуры китайских ястребов отвечают за принятие решений в отноше-

нии Китая в экономической сфере. В их числе директор Национального торгового совета Питер Наварро, министр торговли Уилбур Росс, торговый представитель США Роберт Лайтхайзер и др. Так, именно Росс вместе с Питером Наварро в 2016 г. разработали экономическую стратегию кампании Трампа.

Следует, однако, признать, что ужесточение курса США в отношении Китая обусловлено не столько переходом контроля над процессом принятия внешнеполитических решений в руки кадров, разделяющих критичный настрой президента Д. Трампа к Пекину, сколько общей фрустрацией американского политического и научного сообщества по поводу неудач китайского направления политики США на фоне углубляющихся противоречий между двумя странами. Символично появление в начале 2018 г. в журнале *Foreign Affairs* статьи двух бывших высокопоставленных чиновников из администрации Б. Обамы — К. Кэмпбелла в соавторстве с И. Ратнером<sup>19</sup>, — где фактически дается расписка в том, что основная идея «поворота», связанная с возможностью регулирования Америкой развития Китая, потерпела крах. Объявлялись ложными предположения о том, что дипломатическое и экономическое «вовлечение» КНР принесут этой стране политическую и экономическую открытость, а военная мощь США и выстраивание регионального баланса сил удержат Пекин от стремления к замещению ключевых компонентов возглавляемого Соединёнными Штатами порядка. Признавая Китай самым энергичным и грозным конкурентом США в современной истории, авторы отмечают, что новая американская администрация сделала шаг в верном направлении, отказываясь от прежнего подхода к Китаю<sup>20</sup>.

Так, в «Стратегии национальной безопасности США» (2017) КНР признается прямым соперником Соединённых Штатов, ревизионистской державой, стремящейся занять их место в регионе, «бросающей вызов американской мощи, влиянию и интересам, пытающейся подорвать безопасность и процветание Америки»<sup>21</sup>. Ставя задачу предотвращения неблагоприятных для себя изменений в балансе сил, США активизируют усилия по развитию отношений с Индией, расширяя стратегическое пространство Азиатско-Тихоокеанского региона, где реализуется американская политика, до Индо-Тихоокеанского региона. Желаемая модель регионального порядка обозначается Д. Трампом как «индо-тихоокеанская мечта», что наводит на мысли о противопоставлении ее сформулированной в 2014 г. Си Цзиньпином «азиатско-тихоокеанской мечте», причем наиболее очевидным игроком, нарушающим, с точки зрения США, принципы, на которых идеальный порядок должен строиться (верховенство права, защита прав человека, свобода судоходства), является Китай.

Администрация Д. Трампа сократила пространство для сотрудничества двух держав, которое сохранялось при Б. Обаме. Выход США из соглашения по Транстихоокеанскому партнерству и развертывание нынешнего противостояния с КНР по вопросам торговли демонстрирует, что экономика становится ключевым полем битвы в соперничестве Китая и США за то, кто будет определять региональный и мировой порядок в течение следующих десятилетий. Продажи оружия Тайваню в 2017 и 2018 г., принятие Америкой в марте 2018 г. закона «О поездках на Тайвань», согласно которому США и Тайвань могут официально посылать друг к другу чиновников высшего ранга, а также одобрение Госдепартаментом в апреле 2018 г. плана, позволяющего американским оборонным компаниям изучить возможность продажи Тайваню технологий и систем вооружения для его программы по созданию подводных лодок<sup>22</sup>, говорят о том, что Америка взяла курс на укрепление отношений в сфере безопасности с Тайванем, что расценивается Пекином как нарушение сложившегося статус-кво. На этом фоне происходит сворачивание или приостановка двусторонних военных обменов, что, например, продемонстрировало аннулирование приглашения Китая на учения RIMPAC 2018. Инициированное администрацией Трампа решение о выходе Америки из Парижского соглашения по климату 2015 г. также сократило возможности для сотрудничества двух держав по глобальным проблемам. Из-за развернувшейся борьбы с китайским «влиянием» внутри США страдают двусторонние молодежные обмены, взаимодействие в научной сфере<sup>23</sup>.

Возникает вопрос, насколько такой подход продуктивен для Соединённых Штатов. Как было отмечено, значительная часть американских политических и научных кругов, объявляя стратегию «вовлечения» несостоятельной, приветствует происходящие подвижки в азиатской политике США, призывая, подобно А. Фридбергу в его статье «Соперничая с Китаем», сместить фокус на более жесткое балансирование и противодействие попыткам Китая каким бы то ни было образом пошатнуть возглавляемый Америкой миропорядок<sup>24</sup>. Однако раздаются и критические мнения, констатирующие, что сегодняшний курс США задал в американско-китайских отношениях логику игры «с нулевой суммой», что контрпродуктивно для долгосрочных интересов США. Ставится под сомнение наличие у лиц, формулирующих политический курс страны, реального плана по претворению в жизнь их региональной стратегии. Концепция «открытого и свободного Индо-Тихоокеанского региона», считают эксперты, по сути остается набором лозунгов, не имеющих реального наполнения<sup>25</sup>. Негативно воспринимая китайский проект «Один пояс, один путь», Вашингтон не сформулировал свою достойную альтернативу для стран, нуждающихся в инфраструктурном развитии. Выход Америки из Транстихоокеанского партнерства нанес значительный урон экономическому влиянию США в Восточной Азии, который еще не компенсирован какими-то двусторонними или многосторонними торговыми инициативами Америки.

Представляется, что дальнейшее нагнетание соперничества между Вашингтоном и Пекином несет в себе риски для отношений США с остальными региональными игроками. Страны Азии не готовы делать выбор между США и КНР, а усиление напряженности может спровоцировать дистанцирование стран Юго-Восточной Азии и других региональных игроков от Америки. В качестве подтверждения можно привести выступление премьер-министра Индии Н. Моды в рамках «Диалога Шангри-Ла» в 2018 г. Моди ясно дал понять, что Индия не заинтересована в альянсах, направленных на сдерживание Китая. «Индия не рассматривает Индо-Тихоокеанский регион как стратегию или клуб с ограниченным членством. Или как объединение, стремящееся к доминированию», — заявил он. «И ни в коем случае мы не считаем, что он направлен против какой-либо страны. Географической заданности как таковой быть не может», — подчеркнул индийский премьер<sup>26</sup>.

Азиатская политика Америки в дальнейшем будет во многом зависеть от того, насколько точно администрации Д. Трампа и следующим за ним президентам США удастся определить цели Америки в регионе, доступные для их реализации средства, место Китая в своей внешней политике, масштаб «китайского вызова», меры, необходимые для ответа на него, а также оценить потенциальные издержки и риски. Без ответа на эти вопросы говорить о будущей стратегии США в Азии не представляется возможным.

- 
1. Дж. Бейдер занимал этот пост с 2009 по 2011 г. В 2011 г. был смнен карьерным дипломатом Дэниелом Расселом.
  2. Этот пост Эван Медейрос занимал с 2009 по 2013 г. В 2013 г. он получает назначение на должность ведущего советника по делам азиатского региона в Совете национальной безопасности. В 2015 г. его сменил на этом посту карьерный дипломат Дэниел Критенбринк.
  3. К. Кэмпбелл занимал пост помощника государственного секретаря США по делам Восточной Азии и Тихоокеанского региона с 2009 по 2013 г.
  4. Цит. по: *Christensen T. The China Challenge: Shaping the Choices of a Rising Power. New York: W.W. Norton & Company, 2015. P. 247.*
  5. Ключевой датой в деле становления Америки в качестве тихоокеанской державы следует признать 1898 год, когда в результате поражения Испании в американско-испанской войне американцы приобрели контроль над испанскими колониальными владениями в Азии, включающими Филиппинские острова, а также стратегически важный Гуам.
  6. См.: *Mearsheimer J. China's Unpeaceful Rise // Current History. 2006. № 690. P. 160–162.*

7. См.: *Friedberg A.* A Contest for Supremacy: China, America, and the Struggle for Mastery in Asia. New York: W.W. Norton & Company, 2012. 360 p.
8. *Bader J.* U.S.-China Relations: Is It Time to End the Engagement? // Foreign Policy at Brookings: Policy Brief. September 2018. P. 1–2.
9. Подробнее на эту тему см.: *Nye J.* Only China Can Contain China // The World Post. 11.03.2015. URL: [http://www.huffingtonpost.com/joseph-nye/china-contain-china\\_b\\_6845588.html](http://www.huffingtonpost.com/joseph-nye/china-contain-china_b_6845588.html) (дата обращения 24.02.2019); *Campbell K.* The Pivot: The Future of American Statecraft in Asia. New York: Twelve, 2016. 432 p.; *Christensen T.* Op. cit.; etc.
10. «Системы ограничения доступа» — неатомные подводные лодки, противокорабельные крылатые и баллистические ракеты, противокорабельная авиация, мины, системы ПВО, дающие возможность ограничить доступ или блокировать какой-либо район для сил противника.
11. Joint Operational Access Concept / Department of Defense. January 17, 2012. URL: [https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/JOAC\\_Jan%202012\\_Signed.pdf](https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/JOAC_Jan%202012_Signed.pdf) (дата обращения: 08.12.2018).
12. В 2017 г. США вышли из соглашения.
13. *Вэй Цзунъю.* Чжун-мэй чжаньлюэ тосе ю дун я аньцюань чжиской гоуцзянь: [Китайско-американский стратегический компромисс с целью построения системы безопасности в Восточной Азии] // Гоцзи гуаньча: [Международное обозрение]. 2014. № 4. С. 43–56.
14. В апреле 2014 г. Б. Обама стал первым президентом США, официально подтвердившим, что действие Договора о безопасности между США и Японией распространяется на острова Дяо-юйдао/Сэнкаку.
15. *Blumenthal D., Schriver R., Stokes M., Hsiao L., Mazza M.* Asian Alliances in the 21st Century // The Project 2049 Institute. 2011. URL: <http://www.aei.org/wp-content/uploads/2011/10/Asian-Alliances-21st-Century.pdf> (дата обращения: 08.12.2018).
16. Дисбалансы транстихоокеанского пространства / под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко; ИМЭМО РАН. М.: Магистр, 2014. С. 141.
17. *Bolton J.* The U.S. Can Play a 'Taiwan Card' // Wall Street Journal. 17.01.2016. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-u-s-can-play-a-taiwan-card-1453053872> (дата обращения: 03.03.2019).
18. Trump aide: Happy birthday, China. We're coming for you // Inkstonenews. 02.10.2018. URL: <https://www.inkstonenews.com/politics/donald-trump-aide-matt-pottinger-says-competition-right-word-us-china-relations/article/2166648> (дата обращения: 03.03.2019).
19. Заместитель советника по национальной безопасности вице-президента США Джо Байдена с 2015 по 2017 г.
20. *Campbell K., Ratner E.* The China Reckoning: How Beijing Defied American Expectations // Foreign Affairs. 2018. № 2. P. 60–70.
21. National Security Strategy of the United States of America. The White House. Washington. December 2017. P. 25. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 28.02.2019).
22. The U.S. makes a new push to bolster Taiwan's military defenses. China won't like it // The Washington Post. 23.07.2018. URL: [https://www.washingtonpost.com/news/global-opinions/wp/2018/07/23/the-u-s-makes-a-new-push-to-bolster-taiwans-military-defenses-china-wont-like-it/?noredirect=on&utm\\_term=.a4187a8a09cf](https://www.washingtonpost.com/news/global-opinions/wp/2018/07/23/the-u-s-makes-a-new-push-to-bolster-taiwans-military-defenses-china-wont-like-it/?noredirect=on&utm_term=.a4187a8a09cf) (дата обращения: 03.03.2019)
23. *Bader J.* Op. cit. P. 3.
24. *Friedberg A.* Competing with China // Survival. 2018. № 3. P. 7–64.
25. См.: *Dollar D., Hass R., Bader J.* Assessing U.S.-China relations 2 years into the Trump presidency. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2019/01/15/assessing-u-s-china-relations-2-years-into-the-trump-presidency/> (дата обращения: 04.03.2019).
26. Prime Minister's Keynote Address at Shangri La Dialogue (June 01, 2018) / Ministry of External Affairs. Government of India. 01.07.2018. URL: <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/29943/Prime+Ministers+Keynote+Address+at+Shangri+La+Dialogue+June+01+2018> (дата обращения: 04.03.2019).